

Д.Д. Тумаркин. *Белый папуас.* Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011. 623 с.

Посвящается 125-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая

Автор рецензируемой книги — Даниил Давыдович Тумаркин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, крупнейший отечественный специалист по этнографии и истории народов Океании. Кроме этого, уже полвека он изучает жизнь и деятельность Николая Николаевича Миклухо-Маклая, опубликовал десятки работ о путешественнике, в 1971 и 1977 гг. был начальником этнографических отрядов экспедиций на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев», в ходе которых занимался полевыми исследованиями на Берегу Маклая (Новая Гвинея) и других островах Океании, наконец, с 1985 г. являлся ответственным редактором последнего, завершено в 1990–1999 гг. академического собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая в шести томах.

Автор определил жанр своей книги как «документальное повествование» (С. 291) и действительно в течение десятилетий работы над этой темой собрал богатейший материал. Это и огромная литература о Миклухо-Маклае, и опубликованные о нем источники, и журнально-газетная периодика, появившаяся как в России, так и во многих других странах на основных европейских

Борис Николаевич Комиссаров
Санкт-Петербургский
государственный университет /
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И.Герцена,
Санкт-Петербург
boris.komissarov@gmail.com

языках. Однако источниковое новаторство Д.Д. Тумаркина состоит, и это, пожалуй, главное, в том, что он скрупулезно обследовал десятки отечественных и зарубежных архивов, рукописных отделов библиотек и музеев, существенно обогатив маклаеведение как одну из бесчисленных отраслей, посвященных деятелям мировой истории научного знания.

Помимо Архива Русского географического общества и Петербургского филиала Архива РАН, где хранится основная часть наследия путешественника, автор привлек документы многих других отечественных архивохранилищ: Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Российского государственного архива Военно-морского флота, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД РФ, отделов рукописей Российской государственной и Российской национальной библиотек, а также Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, отдела письменных источников Государственного исторического музея, Краеведческого музея в г. Боровичи Новгородской области, наконец, Архива Института этнологии и антропологии РАН и материалы своего личного архива. Используются документы и ряда зарубежных архивов: на Украине — Государственного архива Черниговской области, в Германии — Германского центрального архива в Потсдаме, Архива Германской Академии наук в Берлине, университетских архивов в Лейпциге и Йене, йенского Архива Дома Эрнста Геккеля, Издательского архива географо-картографического заведения Германа Хаака в Готе, в Италии — Архива зоологической станции в Неаполе, в Великобритании и Франции — материалы Британской (Лондон) и Национальной (Париж) библиотек, в Австралии, в Сиднее, — архивы местного университета, Австралийского музея, Нового Южного Уэльса, материалы Митчелловской библиотеки; в Брисбене — Квинслендского государственного архива. Не будет преувеличением утверждать, что Д.Д. Тумаркин ныне наиболее осведомленный маклаевед в мире.

Отдавая должное основательности источниковой базы монографии, следует все же отметить одну существенную неточность в области теоретического осмысления собранных данных. В предисловии Д.Д. Тумаркин указывает, что он основывался «на архивных материалах и других первоисточниках (документальных публикациях, мемуарах современников, газетах и журналах того времени и др.)» (С. 3). Между тем согласно теории источниковедения первоисточником является

лишь источник, возникающий в результате непосредственного отражения действительности в сознании его автора. Другими словами, только последнее может быть единственным посредником между первоисточником и действительностью. Любой другой источник или источники, оказавшиеся в этом пространстве, лишают первоисточник его, так сказать, «первородства». Собственно, подлинный смысл источниковедческой практики состоит как раз в том, чтобы с помощью разнообразных методик попытаться добраться до первоисточника, распознав все другие источники, заслоняющие авторское сознание. Поэтому приведенные автором монографии примеры изученных им материалов никак не могут быть признаны первоисточниками в строгом смысле этого термина. Каждый источник в документальных публикациях нуждается в специальном исследовании на предмет признания его первоисточником, мемуары — сложнейший комплексный источник, который может быть основан на документах разных видов, разрядов, родов и даже типов, газеты и журналы — не более чем форма публикации самых разных материалов, а архивы — лишь место, где последние хранятся, что никак не определяет ни их содержания, ни его соответствия запечатленной в них реальности.

Богатство и разнообразие собранного автором материала способствовали успешному решению им ряда исследовательских задач. Он, безусловно, преодолел относительную узость и национальные рамки источниковой базы, характерные для всех его предшественников, и придал ей поистине мировой масштаб, исключил из своего текста недостоверные сведения и многочисленные фактические неточности, кочевавшие из работы в работу о путешественнике, наконец, попытался представить его образ на фоне широкого контекста современной ему эпохи, что было очень непросто, учитывая чрезвычайно интенсивную жизнь Н.Н. Миклухо-Маклая, побывавшего в бесчисленных географических пунктах нашей планеты и имевшего широчайший круг связей и знакомств. В то же время с реализацией одной, но весьма серьезной задачи, поставленной Д.Д. Тумаркиным в своей книге, мы согласиться не можем. Даниил Давыдович решительно выступил против идеализации и мифологизации своего героя, стремился, как признается сам, не преуменьшая его действительные заслуги, стереть с него «хрестоматийный глянец» (С. 3–4). И это настойчивое стремление автора неизбежно привело к известной противоречивости предпринятого им «документального повествования». Как честный исследователь и глубоко порядочный человек Д.Д. Тумаркин, с одной стороны, без каких-либо умолчаний детально прослеживает поистине фантастический

и в целом счастливый, но более чем тернистый жизненный путь Миклухо-Маклая, а с другой — верный своему ранее упомянутому намерению в противовес фантазерам, путаникам, просто невнимательно-беспечным биографам, интервьюерам, современникам, а также удушающей сталинской и фарисейской послесталинской пропаганде образа путешественника как борца с империалистической реакцией в области этнологии и антропологии пытается развенчать своего любимого героя, снизить значение его личности, на наш взгляд, не понимая несовместимости двух этих позиций.

Ни образ Миклухо-Маклая, ни его труды никак не связаны со сплетнями, легендами и мифами о путешественнике, слухами о нем или наветах на него, когда и в какой стране или части мира они ни появлялись бы. Николай Николаевич знал обо всем этом, разумеется, неизмеримо меньше, чем Даниил Давыдович. И это вполне закономерно: исследователь жизни героя знает о нем несравненно больше, чем сам герой. Стоило ли в начале второго десятилетия XXI в. так детально и настойчиво пытаться исследовать, как идеализировался, обрастал мифами и легендами (и какими именно) образ Миклухо-Маклая? Нам представляется, что делать этого не следовало. И вот почему.

Мы живем в беспрецедентно драматическое, но и в небывало интересное время, являемся свидетелями и участниками смены сред обитания. Уходит, и в значительной мере уже ушла, естественная, природная среда, и властно, непререкаемо, со всей неизбежностью ее замещает среда техногенная, руко-, а точнее, мозготворная, в широком смысле слова культурная. Ныне процент потребления человечеством продукции биоты таков, что есть все основания говорить, что оно находится уже в полосе приграничья между природной и техногенной средами. Техноген опасен для человечества и враждебен ему. При погружении в это постновое время уйдет в прошлое не многое, а все, в том числе креативный характер человеческой личности. Ясно, что упомянутый процесс следует затормозить и сделать подобное торможение максимально перманентным. По-рукой и настоящим знаменем в этом деле мог бы стать образ Н.Н. Миклухо-Маклая, как справедливо пишет автор, одного «из последних в истории мировой науки известных натуралистов широкого профиля, который не только поставил в центр своих исследований человека и проявления его культуры в рамках географической среды, но и активно работал в отраслях естествознания, непосредственно не связанных с этой проблематикой» (С. 563). По сути, Д.Д. Тумаркин косвенно в чем-то поддерживает нашу точку зрения. Анализируя статью о Миклухо-Маклае, написанную в 1882 г. известным французским историком и публицистом профессором Габриэлем

Моно, он цитирует последнего: «Этот человек не менее, а может быть, еще более интересен, чем его труды», — и отмечает, что приведенное «высказывание не только заслуживает пристального внимания, но и становится все актуальнее по мере того, как человечество отдаляется от эпохи, в которой жил и творил Маклай» (С. 434–435). Мы на стороне автора монографии, когда он честно повествует о трудах и днях Миклухо-Маклая, но не склонны одобрить совершенно незаслуженные критические стрелы, которые он пускает в своего героя. Обратимся, однако, к волнующей хронике жизни путешественника, хотя пользование рецензируемой монографией очень затрудняется отсутствием в ней именного указателя.

Судьба Миклухо-Маклая определялась его всепоглощающей страстью к науке и как средство ее удовлетворения — к путешествиям, которые растянулись на без малого четверть века, т.е. большую часть его жизни вообще и практически всю ее сознательную составляющую. «Откровенно говоря, путешественником нужно родиться», — заметил как-то современник героя книги и тоже знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский. Путешествия Миклухо-Маклая продолжались со времени его проводов в Германию на Царскосельском (ныне — Витебском) вокзале Санкт-Петербурга в марте 1864 г. до возвращения с семьей в российскую столицу в июле 1887 г., за девять месяцев до смерти. Автор монографии, и спасибо ему за это, сделал все возможное, чтобы убедить своего читателя в могучей страсти Миклухо-Маклая к познанию неизведанного.

Однако эта страсть была до предела стеснена двумя роковыми, но, увы, неизбежными обстоятельствами — перманентными болезнями и неизбывной нуждой. Болезни отравляли жизнь Миклухо-Маклая с трехлетнего возраста, т.е. с весны 1849 г., до его последнего вздоха в клинике С.П. Боткина, составлявшей часть петербургской Военно-медицинской академии, 2 (14) апреля 1888 г., почти сорок лет. Нужда преследовала героя монографии со времени прибытия в Гейдельбергский университет весной 1864 г. и до смерти, т.е. по своей изматывающей продолжительности равнялась периоду его жизни в путешествиях. Обо всем этом Д.Д. Тумаркин, разумеется, пишет, но подобные сведения, рассеянные по многим страницам монографии, не сконцентрированы им в две грозные и тягостные реальности — «ученый и боль» и «ученый и нужда», способные по-новому осветить судьбу Миклухо-Маклая, показать двух смертельных врагов его страсти и их конечную победу над ней.

На наш взгляд, следовало бы четче расставить акценты при описании семьи путешественника. В ней явно преобладал не инженер-путеец Николай Ильич Миклуха, а его супруга

Екатерина Семеновна (урожденная Беккер). От отца Николай Николаевич (как и его любимая сестра Ольга) явно унаследовал художественные способности, а от матери — железную волю, жизненный стержень, придававший, несмотря на все трудности, его на первый взгляд хрупкой телесной конституции невероятную способность к сопротивлению неблагоприятным обстоятельствам. Однако психологическое сходство сына с матерью имело и другую сторону — оно привело сначала к ее известной холодности в отношениях с Николаем, а затем фактически к полному равнодушию к его судьбе.

Воспроизводя генеалогию рода Миклух, автор вслед за Н.Н. Миклухо-Маклаем, в 1887 г. тяжело больным и немощным, называет С.М. Миклуху прадедом путешественника (С. 6), тогда как он являлся его прапрадедом (С.М. Миклуха, прапрадед — С.С. Миклуха, прадед — И.С. Миклуха, дед — Н.И. Миклуха, отец). При описании атмосферы во Второй Санкт-Петербургской гимназии, куда поступил в 1859 г. Николай Миклуха, автор ошибочно ссылается на члена-корреспондента РАН Р.Ш. Ганелина, тогда как на самом деле автор книги «Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в.» его отец — Ш.И. Ганелин (С. 24, 569).

Учеба в России у Миклухи-Маклая, как говорится, не заладилась. Казарменные порядки в гимназии, которую он, кроме того, мало посещал из-за частых простудных заболеваний, изгнание из отделения естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где Николай не проучился и полгода, вынудили его выехать для получения высшего образования в Германию. Большой жизненной удачей Миклухо-Маклая стало то, что он не связал себя ни с одним из течений российского революционного движения, довольно быстро отошел от изучения философии в Гейдельбергском университете и после спада в 1864–1865 гг. антиправительственной волны в России занялся исключительно естественными науками на медицинском факультете Лейпцигского университета, а затем, уже более углубленно, на аналогичном факультете Йенского университета под руководством К. Гегенбаура (сравнительная анатомия) и Э. Геккеля (зоология). Участие в экспедиции последнего на Канарские острова в сентябре 1866 — феврале 1867 г. навсегда определило зоологические приоритеты Н. Миклухи — изучение губок и других низших гидробионтов, а также ихтиологию, тем более что учение Ч. Дарвина открыло тогда перед естествознанием необозримые перспективы.

Д.Д. Тумаркин, несомненно, прав, когда пишет, что естествен-но-научные труды Миклухо-Маклая ныне представляют инте-

рес главным образом для историков тех отраслей природоведения, которыми занимался путешественник (С. 563–564). И все же последний, совершив в марте — мае 1869 г. еще одну экспедицию, теперь уже на Красное море, безошибочно нашел ту единственную «дверь» в большую науку и ее ученое сообщество, которая не сразу и далеко не просто, но все же привела молодого зоолога к тогда еще не осознававшейся цели его жизни.

В годы учебы и первых экспедиций с зоологическими целями Миклухо-Маклай продолжал страдать от разных недугов. Так, каждодневное многочасовое микроскопирование привело его в Гейдельберге к боли в глазах, а затем последовали «легкий паралич левой стороны лица» (С. 56) и помещение в университетскую клинику. Во время экспедиций 1867–1869 гг. он постоянно недомогал, простужался, а по возвращении в Россию в 1869 г. на Волге впервые подвергся приступам малярии, которые в последующие двадцать лет стали практически постоянными.

Покинув Россию с пустым кошельком, Миклухо-Маклай за границей крайне скудно питался (чего только стоит сведение им дневного рациона к одному яйцу!), был неизменно вынужден чинить свою ветшавшую одежду и обувь, а также постоянно просить денег у матери и старшего брата Сергея. Екатерина Семеновна, к которой он обращался через сестру Ольгу, держала сына буквально на голодном пайке (С. 126). Экспедиционные расходы, естественно, требовали дополнительных средств, и Миклухо-Маклай, бывало, «застревал» в том или ином пункте своих маршрутов, ожидая финансовой помощи.

В 60-е гг. впервые четко проявилась одна из основных черт личности Миклухо-Маклая — его абсолютная самоотверженность, неукоснительное стремление добиваться своих научных целей, подвергая себя в случае необходимости любым лишениям, невзгодам, страданиям и даже ставя под угрозу саму жизнь. Он дважды обращался, сначала к немецкому географу и картографу А. Петерманну, затем к шведскому исследователю Арктики Н.А.Э. Норденшельду, с просьбой включить его в состав полярных экспедиций и, к счастью, получал отказ. Напрасно Д.Д. Тумаркин предположил, что в противном случае Миклухо-Маклай «возможно, был бы теперь известен не как этнограф и антрополог, первым начавший стационарное изучение коренного населения тропических стран, а как ученый-полярник, основавший первую научную станцию за Полярным кругом» (С. 86–87). Путешественника, с трудом переносившего даже климат российской столицы, в Арктике ждал бы только один конец — смерть, причем в самом ближайшем будущем.

Миклухо-Маклай предлагал свои услуги Норденшельду в качестве зоолога, но уже на первом этапе профессиональной деятельности Николая Николаевича стала привлекать не только эта область естествознания. На Канарских островах, в Марокко, Египте его интересы расширились за счет наблюдений над местным населением, его антропологическим обликом, нравами, обычаями, языками, материальной и духовной культурой. Выпускник медицинского факультета Йенского университета, он был хорошим анатомом, что открывало для него прямой путь в антропологию, а литературу по географии и этнографии ему еще предстояло штудировать. Автор монографии хорошо показывает зарождение дуальности интересов своего героя, которого стала привлекать не только живая Природа, тогда в ее низших проявлениях, но и Человек на первоначальных стадиях его развития, что привело впоследствии к исследовательскому объекту — Человек в Природе.

Однако где на карте Земли географически локализовать этот объект, иными словами — куда отправиться и кого там изучать? Миклухо-Маклай, как верно отмечает Д.Д. Тумаркин, обратил внимание на посвященную Новой Гвинее статью упоминавшегося Петерманна и работу К.М. Бэра «О папуасах и альфурах». То, что путешественник в конечном счете избрал для своих исследований Новую Гвинею, крупнейший в мире и тогда (в последней трети XIX в.!) оставшийся неизученным тропический остров с его папуасским населением, жившим в каменном веке, стало его огромной удачей. Причем он фактически осуществил задуманное буквально накануне вторжения туда европейских колонизаторов.

Но одно дело избрать Новую Гвинею полем своих научных изысканий и совсем другое — официально до нее добраться, для чего следовало получить разрешение российских властей и добиться отправки туда специального судна. История этого поистине феноменального и, как нам представляется, просто фантастического предприятия исследована Д.Д. Тумаркиным весьма основательно и убедительно для читателя. Важнейшую роль в организации маклаевских экспедиций на Новую Гвинею сыграло основанное в 1845 г. и возглавлявшееся до 1892 г. вел. кн. Константином Николаевичем Русское географическое общество (РГО). В ту пору оно было тесно связано с царствующим домом Романовых, правительством и, в частности, министерством иностранных дел. Основной задачей РГО являлось исследование территории Российской империи и сопредельных с ней стран.

Обратившись в РГО, Миклухо-Маклай сделал упор на изучении им северной части Тихого океана, омывающего берега

России. О Новой Гвинее речь, разумеется, не шла. Экспедиция под эгидой РГО в Северную Пацифику была поддержана теми, кто был крайне не доволен продажей в 1867 г. Россией Аляски Соединенным Штатам Америки (Н.В. Каульбарс, Ф.Р. Остен-Сакен и некоторые другие). Таких было, конечно, меньшинство: продажа Аляски, пусть и за символическую плату, после проигранной Крымской войны и перспективы территориальных приращений России на юге, при крайне неодобрительном на это взгляде из Лондона, являлась закономерным и необходимым шагом. Строители и охранители Российской империи были людьми образованными, адекватными занимаемому ими положению, т.е. вдумчиво-осторожными, и понимали, что любой другой вариант утраты Россией Аляски станет крайне нежелательным. Таким образом, тихоокеанский проект Миклухо-Маклая получил поддержку даже после того, как путешественник открыл свое намерение начать с изучения Новой Гвинеи, которая, естественно, не имела к России никакого отношения. Впрочем, через несколько лет он все же обещал РГО отправиться на тихоокеанский север, что, конечно, не осуществилось и не могло произойти при ухудшавшемся состоянии здоровья Николая Николаевича. Так что продажа Аляски помогла герою книги: между интересовавшим его регионом и Россией стали курсировать по решению правительства российские военные корабли.

Тропическая эпопея Миклухо-Маклая продолжалась примерно 17 лет. Из них более трех лет он в общей сложности провел среди папуасов Новой Гвинеи, а также посещал многие другие острова Океании, в частности Меланезии, бывал в Индонезии, Сингапуре, Южном Китае, Таиланде, на Филиппинах, исследовал полуостров Малакка, долго жил в Австралии. В феврале 1882 — январе 1883 г. и в апреле 1886 — марте 1887 г. путешественник возвращался в Россию и Западную Европу. В Новой Гвинее и других пунктах своих сложных маршрутов Миклухо-Маклай вел чрезвычайно интенсивные антропологические и этнографические исследования и естественно-научные и землеведческие наблюдения, касавшиеся едва ли ни дюжины разных научных дисциплин.

Превосходно зная маршруты путешественника и весь корпус его текстов, рисунков, коллекций, Д.Д. Тумаркин нарисовал впечатляющую картину деятельности своего героя в 1870—1887 гг. Эти разделы монографии производят сильное впечатление и наиболее удачны. Путешествия в Новую Гвинею и другие сопредельные регионы выявили и кристаллизовали лучшие черты личности Миклухо-Маклая как человека и ученого-исследователя. Отвага и самоотверженность путешественника проявились там в высочайшей степени. При первом знаком-

стве с папуасами он, как известно, ввиду возбужденно-угрожающей вооруженной толпы расстелил у входа в их селение циновку, улегся на ней спать (рассудив, что умереть во сне лучше) и, что кажется невероятным, действительно на два часа заснул, а пробудившись, увидел аборигенов вполне успокоившимися. Николай Николаевич «пропускал мимо ушей» предостережения своего друга папуаса Туя, что, если он не будет убит сразу после отплытия доставившего его впервые на Новую Гвинею российского корвета «Витязь», то уж точно после того, как умрут двое его нанятых по пути к месту высадки слуг, за которыми, кстати, ввиду их физического нездоровья и психического состояния, путешественник ухаживал много больше, чем они помогали ему. Перед исследованием в марте 1879 — январе 1880 г. островов Меланезии Миклухо-Маклай письменно оговорил условие: если он погибнет по вине аборигенов, чтобы их за это не наказывали.

Оказавшись один на один с новогвинейскими папуасами, жившими, как впоследствии считалось, на Берегу его имени, никогда не общавшимися с пришельцами из цивилизованного мира и производившими всю свою утварь и оружие только из камня, кости и дерева, путешественник проявил не только беспримерную смелость, но и хладнокровие, такт и терпение, аскетизм и стоицизм, умение находить единственно верный выход из затруднительных ситуаций, изобретательность и актерские способности. Все эти черты носят не декларативный характер, а подтверждаются автором монографии конкретными данными. Склонный к работе в одиночку, как правило, на стационарном месте, но нередко и передвигаясь по разнообразным маршрутам, Миклухо-Маклай собрал колоссальный материал антропологического и этнографического характера. В своих дневниках, статьях, письмах, проектах, лекциях он выступал как убежденный, более того, страстный сторонник единства человечества, равенства рас, взаимопонимания между их представителями, не исключая из этого всемирного перечня и самые отсталые в культурном отношении племена, которые, по его мысли, нуждались в защите от какого бы то ни было насилия, обращения в рабство и прочего произвола колонизаторов.

Вся эта работа шла на неизменном фоне в лучшем случае недомоганий, а чаще — простуд и приступов лихорадки. Еще на «Витязе», в январе 1871 г., путешественник простудился на островах Зеленого Мыса, больным он чувствовал себя и при выходе корвета из Вальпараисо (Чили) в Тихий океан (С. 176), то же состояние сохранялось и 27 сентября 1871 г., в день ухода судна с места его высадки (С. 201). Тропический рай оказался сродни аду. Первый сильный приступ малярии ученый перенес

11 октября 1871 г. Затем в декабре этого же года и январе следующего приступы следовали один за другим, сопровождаясь бредом, галлюцинациями, опуханием конечностей. Хинин лишь смягчал отдельные припадки, редко предотвращая их, при этом его прием сопровождался болью в ушах и временной глухотой (С. 211). Миклухо-Маклаю приходилось постоянно преодолевать себя, мобилизовывать в экстремальных ситуациях скрытые резервы организма, жить в условиях максимальной напряженности сил. По прошествии года со времени высадки с «Витязя» хижина, построенная матросами корвета для Маклая, стала разваливаться. Из двенадцати пар обуви не осталось ни одной целой, которая могла бы прикрыть раны, образовавшиеся на ногах. Один из слуг умер, другой терял рассудок (С. 231).

Приступы или, как тогда говорили, пароксизмы малярии не прекращались до самой смерти путешественника. С наибольшей силой они проявлялись летом и осенью 1872 г., в марте, апреле и ноябре 1873 г., в январе, апреле, мае и июле 1874 г., сопровождаясь рожистым воспалением на лице и голове и перемежаясь с так называемой лихорадкой денге (от искаженного англ. dandy — франт), приводящей не только к собственно припадкам, но и к мышечным, головным и другим болям, сыпи, специфической раскачивающейся, «франтоватой» походке. Пароксизмы малярии, опухоли ног, воспаление правой ступни от укола через обувь шипом растительного происхождения изводили путешественника весь 1875 г. На его исходе, 23 ноября, он писал известному немецкому патологу Р. Вирхову о своих страданиях от малярии, невралгии тройничного нерва, анемии (С. 328). Во время второго плавания к новогвинейскому берегу, получившему впоследствии его имя, ученый отмечал у себя «лихорадку в форме сильнейшей невралгии», «гиперемию печени», «тумор селезенки» (С. 332), в конце пребывания там его крайне беспокоили тройничный нерв и язвы на теле (С. 351–352), а на пути в Сингапур — цинга, хронический колит и сильнейший нервный срыв (С. 354–355), так что при отплытии из упомянутого порта в Австралию 24 июня 1878 г. он находился в полузабытье, плохо осознавая, что и как делает (С. 358–359). В январе 1880 г. приступы малярии повторялись каждый день, а при отъезде из Петербурга в ноябре 1882 г. сначала в Западную Европу, а потом — в Австралию в очередном письме Вирхову Миклухо-Маклай жаловался на «отвратительный мышечный ревматизм» и «невралгии всех видов» (С. 460). Этот скорбный перечень можно продолжать и продолжать...

Все вышесказанное сопровождалось, как упоминалось выше, жестокой нуждой, становившейся все более нестерпимой,

после того как Миклухо-Маклай, закончив период ученичества и ознакомительных экскурсий, обратился к своей основной экспедиционной деятельности в Океании. Средств, выданных путешественнику РГО, решительно не хватало, и, впервые отправляясь на Новую Гвинею, он не смог закупить по пути в Лондоне много необходимого для своих исследований. «Глупо зависеть от такой дряни, как от денег», — как-то обмолвился он в письме к сестре Ольге (С. 129). Однако действительность неизменно возвращала его к необходимости их где-то доставать. Миклухо-Маклай пользовался в этом отношении благорасположением друзей (в частности, А.А. Мещерского), а также случайных меценатов, встречавшихся ему в разных частях огромного изучавшегося им региона, оставлял кредиторам в качестве залога свои коллекции, наконец, просил, постоянно просил своих близких о материальной поддержке предпринимавшихся им научных изысканий. Если сначала упомянутые просьбы и находили какой-то отклик, то к середине 70-х гг. Николай Николаевич стал для своей матери, считавшей, что он попусту тратит семейные деньги, отрезанным ломтем (С. 253). Она перестала отвечать на письма сына и с 1874 по 1882 г. не писала ему сама, хотя в эти годы семья путешественника отнюдь не бедствовала. В 1873 г. Екатерина Семеновна, подкопив денег, приобрела в Радомысльском уезде Киевской губернии поместье Малин, насчитывающее 1200 десятин (ок. 13 кв. км) пахотной земли и лесные угодья. Управлял всем этим старший брат путешественника Сергей, относившийся к нему более чем холодно. В итоге дело обернулось таким образом, что Миклухо-Маклай оказался лишенным своей доли в этой семейной недвижимости. В Малине ему не принадлежало ничего. Многолетнее молчание матери и Сергея привело Николая Николаевича к решению не возвращаться в Россию, а поселиться в Австралии. Теплые и доверительные отношения связывали его только с сестрой Ольгой, но в январе 1880 г. она умерла, о чем путешественник узнал лишь после возвращения в Россию в августе 1882 г.

Не в пример матери и старшему брату у Миклухо-Маклая сложились весьма позитивные контакты с царствующим семейством Романовых. Александр II распорядился доставить путешественника на Новую Гвинею, а Александр III, продолжая традицию отца, из личных средств не раз субсидировал Николая Николаевича довольно крупными суммами и гасил его немалые долги. Позднее императрица Мария Федоровна за свой счет отправила на родину, в Австралию, его вдову с детьми, а Александр III и Николай II обеспечили их на тридцать лет вперед, до 1917 г., российской пенсией. Однако при жизни Миклухо-Маклая вся эта помощь была совершенно обяза-

тельной и зависевшей лишь от случайного благорасположения к нему сильных мира сего. Конечно, известность, пришедшая к путешественнику в начале 80-х гг., несколько ослабила тиски финансовых трудностей, но его женитьба на австралийской уроженке Маргарет Робертсон и рождение двух сыновей, т.е. необходимость содержать свою семью, снова до предела обострили нужду в деньгах.

Следует отметить, что все три характерные для жизни Миклухо-Маклая данности: 1) важное и, пожалуй, единственно возможное решение исследовать Новую Гвинею, едва ли не последний неизученный гигантский остров Южного полушария, 2) преследовавшие его с детских лет болезни и 3) нужда, проистекавшая тогда из общественной незаинтересованности в исследованиях путешественника, — оказались непреложными и неизбывными. Выйти за их пределы или просто отклониться от них было невозможно.

Между тем в разделах монографии, посвященных исследовательской деятельности Миклухо-Маклая, не все так однозначно. Вспомним, ведь автор поставил своей задачей «деидеализировать», в некоторых случаях «деидеологизировать» и «демифологизировать» образ путешественника и, надо сказать, решительно взялся за эту работу, решительно, но (да простится мне это выражение!) довольно неуклюже. Вот несколько примеров. 23 апреля 1874 г. у Берега Папуа-Ковиай, аборигены которого в отличие от населения будущего Берега Маклая уже имели негативные контакты с цивилизованным миром, вооруженный путешественник пленил и фактически арестовал местного злоумышленника, некоего Саси, под руководством которого была ограблена его хижина и совершено насилие над находившимися рядом с ней людьми. Д.Д. Тумаркин пишет, что, описывая в разных вариантах этот эпизод, ученый стремился продемонстрировать свою «смелость, неустранимость и находчивость в “зазеркалье” — мире первобытных людей», чем «вносил свою лепту в развитие мифологических представлений о деяниях и личности Маклая, возникших в России и за ее рубежом» (С. 278). Как будто забыв о том, что он писал выше, автор счел, что лишь данный случай способен подтвердить упомянутые качества путешественника. Исследуя опубликованное письмо в поддержку Миклухо-Маклая итальянского ученого О. Беккари, автор приходит к следующему выводу: «Письмо Беккари и вызванная им волна народного сочувствия, тревоги и поддержки — важная веха на пути мифологизации и идеологизации Миклухо-Маклая. С этого времени в русском общественном сознании стало складываться представление о Маклае не просто как об отважном путешественнике, но как о мученике науки, добровольно обрекшем себя на всевозмож-

ные лишения в далеких и неведомых странах» (С. 410). Позвольте, а та информация, которую мы приводили из рецензируемой книги выше, разве не является бесспорным свидетельством такого мученичества? И разве существовал в XVII—XIX вв. какой-либо путешественник, в подлинном значении этого слова (т.е. человек, несмотря на бесчисленные трудности, пропускающий через свое сознание и научный опыт, а также разными способами фиксирующий все многообразие реалий исследуемой территории), которого нельзя было бы назвать отважным? Д.Д. Тумаркин не склонен доверять и другому читателю Миклухо-Маклая, упоминавшемуся выше Г. Моно. «Моно внес новый значительный вклад (причем не только в России) в превращение Маклая в живую легенду, — пишет автор. — Возникнув в общественном сознании и муссируемый в печати, этот образ начал развиваться по законам жанра, порой значительно отличаясь от реального прототипа» (С. 435). Опять поразительная «забывчивость». Разве не об этом самом прототипе мы читали в предыдущих главах?

Мы не считаем уместными ряд выражений автора, которыми он характеризует деятельность Миклухо-Маклая в начале 1880-х гг., когда ученый готовился к прибытию в Россию после длительного отсутствия. Находясь в условиях абсолютного недофинансирования со стороны РГО, путешественник по пути на родину в ряде своих писем и интервью сообщал: не получив возможности издать свои труды в России, он сделает это в Великобритании, что Д.Д. Тумаркин оценивает словечком «утечка», свойственным, пожалуй, лишь агентурно-шпионскому быту и политологическому словарю (С. 435—436). Обещание Миклухо-Маклаем Совету РГО взяться за написание своих итоговых трудов объясняется автором как «приманка», во избежание опасности «нарваться на решительный отказ» от их субсидирования (С. 436). Телеграммы путешественника в редакцию российской газеты «Голос» с мест стоянок броненосца «Петр Великий», на котором он плыл на родину, приводят Д.Д. Тумаркина к мысли, что его герой «был отнюдь не чужд саморекламы» (С. 444).

Особого упоминания заслуживает, на наш взгляд, безусловно, излишнее стремление автора, как бы это адекватнее выразиться, «физиологизировать» образ Миклухо-Маклая, т.е. с методичностью, достойной лучшего применения, выявить и описать все случаи сексуальных контактов путешественника (С. 228, 282—283, 303—304, 340) и, более того, зафиксировать даже вполне платонические эпизоды, когда тот, созерцая представительниц противоположного пола (скажем, во время танцев), возможно, испытывал при этом какие-то эротические чувства (С. 62, 144—145, 169, 174—175, 182). В чем причина этой

особенности монографии? Думается, в том, чтобы, во-первых, сделать ее более «читабельной» для невзыскательного обывателя, а во-вторых, опровергнуть не лишённые определенной «желтизны» писания некоторых авторов, утверждавших, например, что путешественник был педофилом (С. 62) или что в своем «тропическом раю» он «имел право на гарем из 147 туземных жен» (С. 563). Что ж, перед нами еще несколько примеров «демифилогизации» личности Миклухо-Маклая, реализованной Д.Д. Тумаркиным.

Ответ на все эти разыскания и измышления прост. Молодой человек, наделенный страстным характером, холерическим темпераментом и проведенный в одиноких странствиях двадцать лет (т.е. 1864–1884 гг., от прибытия в Гейдельберг до женитьбы в Австралии), разумеется, не давал монашеского обета. Время полового созревания, брачный возраст и другие социальные и интимные особенности женщин нашей планеты в зависимости от климатических условий и массы других причин фундаментально разнятся с учетом расовой, национальной, племенной принадлежности, и здесь не место в это углубляться. Сексуальные нравы и обычаи землян, а особенно племен, которым не посчастливилось идти в ногу с мировой цивилизацией, чрезвычайно разнообразны. Нередко интерес к океанийской представительнице противоположного пола сочетался у путешественника с вниманием к ней как к чисто антропологическому объекту (см., например, с. 282–283). Иногда дело касалось этнографической сферы. Однажды Миклухо-Маклай в селении рядом с нынешним г. Порт-Морсби (Папуа — Новая Гвинея) срисовывал сложную татуировку, нанесенную на тело местной шестнадцатилетней девушки. Однако автор монографии, настроенный на определенную волну, с видимым сожалением прибавляет: «Забавлялся ли Миклухо-Маклай с прелестной натурщицей? Об этом нет ни слова в его публикациях, дневниках и записной книжке» (С. 393).

Наиболее слабыми частями монографии, по нашей оценке, являются те, в которых рассказывается о Миклухо-Маклае как о борце за права аборигенов, лицом к лицу столкнувшемся с международной и политической ситуацией своей эпохи и пытавшемся ей противостоять. Это противостояние оценивается в суммарном, синтезированном виде, в том числе по отзывам современников, как своего рода приговор, который и преподносится читателю.

Нам представляется абсолютно очевидным, что, изучая аборигенов, годами живя среди них и во многом их жизнью, подвергаясь смертельной опасности лишиться жизни по их вине, но ни в коей мере не воспринимая это как их вину, Миклухо-

Маклай просто не мог не полюбить их со всей страстью, на которую была только способна его истерзанная недугами натура. Как объект исследования они представляли перед ним отнюдь не примитивными гидробионтами, морскими губками, акулами и прочими рыбами, мозг которых он препарировал, вступая на стезю науки, являлись не недочеловеками, живым товаром, «черными дроздами», как называли их европейские колонизаторы, они были для него лю д ь м и , и, без остатка проникнув-шись их психологией, обычаями, нравами, поверьями, страхами, несчастьями и радостями, видя их слезы при расставаниях с ним и откликаясь на их надежды снова с ним встретиться, ученый-подвижник, в высочайшей степени обладавший таким качеством, как моральная гениальность, не мог не встать на их защиту, причем был готов для этого на любые хлопоты, просьбы, проекты, международно-политические комбинации, уступки, пусть в чем-то личном, был готов на все... не исключая потери своей жизни, которой он в итоге безвременно лишился.

Миклухо-Маклай поднялся один против всей мировой колониальной системы и, конечно, был неизбежно обречен на поражение. Блестящий специалист в области антропологии, этнографии, многих естественных наук, он, разумеется, не мог тягаться на равных с государственными деятелями, политиками, крупными коммерсантами своего времени, да и со всей этой огромной армией прожженных «цивилизаторов» планеты. Не мог, но пытался, ибо другого пути в 1874—1887 гг., когда он боролся за права новогвинейских папуасов, у него не было и быть не могло. Ученый попал тогда в четвертый желоб своей жизненной данности (вспомним об упомянутых выше первых трех), вырваться из которого, т.е. за пределы своей эпохи, было невозможно. И он сражался, сражался как мог...

Известна поговорка: «С волками жить — по-волчьи выть». Однако далеко не у каждого неопита, примкнувшего (в нашем случае — по суровой, неизбежной необходимости) к волчьей стае, это получается: и повадки не те, и вой не тот. Стремление защитить папуасов от надругания, рабства, уничтожения побудили Миклухо-Маклая вступить в контакт, а затем и неизбежное противостояние с совершенно не знакомым ему жестоким, лицемерным и коварным миром расизма, наживы и территориальных захватов. В 1874 г., после посещения Берега Папуа-Ковиай, он планировал основать там, в пику бездействовавшим голландским властям, военное поселение для защиты аборигенов. В 1875 г. ввиду угрозы англо-австралийского захвата Новой Гвинеи предлагал принять остров под российский протекторат. В 1876 г. вынашивал мысль о Папуасском союзе и писал вице-председателю РГО П.П. Семенову, который

должен был хлопотать в верхах о проекте создания станций военных судов для поддержки интернационального правительства коренного населения островов Тихого океана. В 1879 г. из-за германской угрозы Океании обращался к британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана и губернатору о-вов Фиджи А. Гордону с просьбой о защите папуасов, среди которых месяцами жил во время своих исследований, и снова к П.П. Семенову — о создании российской океанской морской станции. В 1881 г. ходатайствовал перед командующим британскими военно-морскими силами в юго-западной части Тихого океана о том, чтобы оградить папуасов и вообще океанийцев от рабства, и разработал «Проект развития Берега Маклая». Начиная с того же 1881 г. инициатива ученого об основании военно-морской станции России в Океании на случай будущей крейсерской войны неоднократно обсуждалась в правительстве и, в частности, морском министерстве. А близ такой станции, по мысли Миклухо-Маклая, могла бы появиться община русских переселенцев. Побывав в марте 1883 г. в очередной раз в местах своих прежних новогвинейских стоянок и обнаружив там обезлюдение, следы насилий колонизаторов, междоусобицы и голод, путешественник пришел к мысли, что он должен лично возглавить Папуасский союз, который находился бы под протекторатом одной или нескольких европейских держав, причем необязательно России. О том, что стоит приобрести в российское владение пункт в Океании «через допущение частного доверенного лица к устройству на нем фактории под покровительством русского флага», высказывался и командир корвета «Скобелев» (ранее «Витязя»), доставившего Маклая к «его» Берегу, адмирал Н.В. Копытов (С. 482).

В 1884 г., несмотря на все усилия путешественника, судьба Берега Маклая была решена: он был поделен между Германией и Великобританией, которые договорились о разграничении сфер влияния в Новой Гвинее. Судорожные попытки Николая Николаевича сыграть на противоречиях Берлина (он, в частности, писал и Бисмарку), Лондона и Петербурга ни к чему не привели.

Оставалось последнее, о чем ученый размышлял уже не первый год: все же в пику всем трудностям основать вольную русскую колонию на одном из островов... (нет, не на «его» Берегу, он находился тогда под властью немцев) Океании. Идея была поистине фантастической, но он верил в нее, и на его призыв откликнулось полторы тысячи соотечественников. Этот проект по указанию царя обсуждался 9 (21) декабря 1887 г. на квартире министра иностранных дел Н.К. Гирса, расположенной в здании Главного штаба на Дворцовой площади. В заседании

участвовали заместители министров или главы департаментов пяти министерств: иностранных дел, финансов, внутренних дел, военного и морского. Миклухо-Маклая попросили подождать в соседней комнате. Он испытывал серьезное недомогание, «временами переходившее в сильную дрожь» (С. 535). Ученый понимал, что за соседними дверьми решается дело его жизни, но от этого, конечно, были весьма далеки собравшиеся напротив лощеные действительные статские и тайные советники, которым и в своих самых страшных снах не могла привидеться хотя бы ничтожная доля того, что Миклухо-Маклай долгие годы испытывал во время своих путешествий. Затем его пригласили ответить на вопросы сановников, и он, собрав последние силы, это сделал. В итоге проект ученого был окончательно отклонен. Политическая целесообразность одержала верх, но психологически Николай Николаевич был сломлен, погас. Этот последний жизненный удар перенести ему было уже не дано, тем более что ранее на него обрушились и другие — отказ России от протектората над Берегом Маклая, его упоминавшаяся выше германская оккупация, ликвидация любимого детища ученого — Биологической станции в австралийском Сиднее, единственной реально существовавшей из ряда задуманных им в разное время в других частях мира...

Как же оценил автор монографии борьбу Миклухо-Маклая за права коренных океанийцев? Думается, учитывая суть личности ученого, сферу его профессиональных интересов и неизбежную предопределенность его поражения — неадекватно и негуманно. Д.Д. Тумаркин почему-то решил, что его герой мог в той или иной степени стать партнером в сложной и жестокой политической игре своего времени, что он ввязался в нее не исключительно из не дававшего ему покоя чувства человеколюбия, а, возможно, и по каким-то другим соображениям, скажем, международно-дипломатического и даже своекорыстного порядка. Автор считает его человеком «нерасчетливым» (С. 470), «довольно самонадеянно» предполагавшим «совместить геополитические интересы России с защитой островитян от злодеяний колонизаторов» (С. 487), импульсивным мечтателем, не способным «трезво просчитывать отдаленные последствия своих шагов» (С. 541). Подобных сентенций предостаточно: «Это бескорыстный, наивный мечтатель, который с фанатическим упорством, но безуспешно стремился приносить пользу человечеству в соответствии со своими идеалами» (С. 564). «Это был человек романтического склада, фантазер и мечтатель с непоколебимой верой в общественное предназначение науки. Смелый и решительный в чрезвычайных ситуациях, он был непрактичен в обыденной жизни

и нередко страдал от излишней доверчивости. Эти качества сочетались с необыкновенным упорством, с которым он, несмотря на неудачи, стремился к поставленной цели, не всегда сообразуясь с реальностью. Несведущий в хитросплетениях европейской политики и тонкостях дипломатического этикета, он действовал часто необдуманно, порой наивно, попадая при этом в щекотливые ситуации» (С. 565). «Его биография не менее увлекательна, чем среднего достоинства роман» (С. 564). «Миклухо-Маклай оставил в скрижалях истории яркий, неоднозначный, но в целом позитивный след» (С. 565).

Однако в монографии есть, как упоминалось, оценки Маклая и другого плана. С годами, отмечает автор, у его героя стали проявляться нарастающий практицизм, забота о приобретении материальных благ, стремление к сближению и дружбе с сильными мира сего (С. 564). Параллельно с проектом переселенческой колонии он планировал осуществить и другой проект, связанный с деятельностью Русского Тихоокеанского товарищества (РТТ), находившегося «под эгидой московских богачей». РТТ должно было на своих судах вести в Океании меновую торговлю, основывать коммерческие фактории, разбивать плантации тропических культур. Но, помилуйте, Маклай никогда бы не добрался до Новой Гвинеи и ничего бы там не сделал без помощи и поддержки «сильных мира сего», причем не просто денежных купцов, а русских царей. Да и кто способен бросить камень в того, кто, соединившись после немислимых страданий с любимой женщиной, наградившей его двумя сыновьями, и лишенный причитавшейся ему доли в семейной собственности, не стремился бы материально обеспечить свою семью? Прибавим к этому, что оба упомянутых проекта, как известно, не реализовались.

Есть в монографии и еще одна, надо сказать, поразившая нас деталь. Во время пребывания Миклухо-Маклая в Австралии в 1885–1886 гг. русское правительство, от благорасположения которого путешественник, как известно, целиком зависел, предложило ему сообщать о ситуации в стране. Ученый отнесся к этому, мягко говоря, без восторга, но отказать, имея в виду все свои, так сказать, базовые устремления и задачи, решительно не мог. В результате он послал в Петербург три конфиденциальных отчета на эту тему. Д.Д. Тумаркин, не мудрствуя лукаво, включил в один из подзаголовков книги вопрос: «Был ли шпионом Миклухо-Маклай?» (С. 503), хотя звучит он, несомненно, кощунственно. Вообще в маклаеведении эта, с позволения сказать, «тема» обсуждается довольно давно, поэтому петербургский австраловед А.Я. Массов тщательно исследовал три названные отчета путешественника и пришел к однозначному выводу: использование им исключительно открытых

источников уже само по себе позволяет решительно отвергнуть возможность обвинения автора этих текстов в шпионаже, они не были результатом разведывательной деятельности, а содержали лишь собранную и систематизированную доступную информацию о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании (С. 509). Однако Д.Д. Тумаркин оказался не склонен согласиться с А.Я. Массовым: «Из истории разведки известно, — пишет он, — что значительная часть разведывательной информации извлекалась из сбора и анализа фактов, содержащихся в “открытых источниках”, из невинных на первый взгляд бесед с лицами, располагающими секретными сведениями, и визуальной разведки, к которой прибегал, правда, довольно редко, Миклухо-Маклай. Предоставляем читателям судить, стал ли Николай Николаевич, сам того не желая, разведчиком-дилетантом в 1885–1886 гг.» (С. 509). Ну, что тут скажешь...

Наконец, мы решительно, категорически возражаем против обывательски-снисходительного уподобления Н.Н. Миклухо-Маклая Дон Кихоту, а его деятельности (причем не только связанной с борьбой за права папуасов, а всей, целиком, чего уж тут разбираться!) — донкихотству. Если один из теоретиков анархизма Л.И. Мечников (брат известного биолога и патолога), министр иностранных дел Н.К. Гирс и иже с ними могли в силу своей весьма скромной осведомленности о днях и делах Миклухо-Маклая думать подобным образом, то Д.Д. Тумаркину, знающему об ученом в сотни, а может быть, и в тысячи раз больше других, не пристало писать, что, «подобно герою Сервантеса, “белый папуас”, выражаясь фигурально, нетвердо сидел в седле и, случалось, сражался с ветряными мельницами, думая, что воюет с грозными великанами» (С. 565), а также заканчивать свою книгу строчками Юлии Друниной: «Ах, донкихоты! Как вы не смелы, геройства ваши — тема для остроф...» (С. 565). Мы ни в коей мере не хотим бросить тень на благородного рыцаря, ожившего под пером Сервантеса, просто Н.Н. Миклухо-Маклай не имеет к этому литературному образу не малейшего отношения. Что общего между добродетельным чудачком, мечтателем, фантазером и человеком, безгранично преданным науке, строгим, скрупулезным и точным исследователем, отличавшимся колоссальной силой воли, готовностью к самопожертвованию и надорвавшимся в неравной борьбе за права народов, просто отставших в движении по лестнице истории, в той борьбе, от которой он в силу своих моральных принципов не мог отказаться? А вот кто хорошо понял душу Миклухо-Маклая и глубоко осознал его значимость для человечества, так это гуру россиян великий Лев Толстой, о чем справедливо упомянуто в монографии.

Немаловажно остановиться и на том, почему дневники Миклухо-Маклая, по выражению автора, «одна из драгоценных жемчужин европейской литературы путешествий» (С. 202), не превратились в завершенные научные труды. Кстати, сам Д.Д. Тумаркин не дает ответа на этот вопрос. В монографии лишь часто упоминается, что над путешественником тяготело, как кошмар, данное им и РГО, и царю слово подготовить (и в кратчайшее время!) как минимум двухтомное исследование о проделанной на Новой Гвинее работе.

Мы можем ответить на поставленный вопрос со всей определенностью. В тех гносеологических, временных, житейских и финансовых обстоятельствах, в которых находился Миклухо-Маклай, он не мог осуществить это по объективным, т.е. абсолютно не зависевшим от него, причинам. Превалировала над всем, естественно, научно-познавательная составляющая. Чтобы синтезировать эмпирические наблюдения, зафиксированные в его бесспорно выдающихся дневниках, очень многого не хватало. Не хватало трудов и выводов предшественников и современников (правда, ту часть Новой Гвинее, которая в будущем стала называться Берегом Маклая, он посетил первым, но это была лишь небольшая территория острова), не хватало сведений, с которыми можно было бы сравнивать и сопоставлять свои наблюдения, фундаментального освоения всего богатства литературы об отсталых племенах в других частях мира, не хватало многочисленных поездок собственно по Новой Гвинее, занимающей сотни тысяч кв. км, и т.п. Не случайно поэтому, не раз приступая к написанию своего труда, при отсутствии упомянутых выше условий, как правило, в спешке (ученого, как известно, очень многое отвлекало), будучи большим и часто лишенным средств к существованию, он в нерешительности и совершенно понятном бессилии останавливался. Не будем забывать, что А. Гумбольдт по окончании своего путешествия в Америку 1799–1804 гг. завершил научную публикацию собранных материалов лишь в 1834 г., т.е. через тридцать лет. Причем великий немец сумел проявить свое научное новаторство не только в связи с результатами проведенных полевых исследований, но и благодаря освоению огромного наследия предшественников.

Между тем трагическая развязка судьбы Миклухо-Маклая приближалась. В марте — июле 1887 г. он предпринял поездку в Австралию, чтобы перевезти в Петербург свою семью — супругу Маргарет и сыновей Александра Нильса, которому было чуть более трех лет, и полугодовалого Владимира Аллана. Супруга ни слова не говорила по-русски. Нужно было фактически с нуля устраиваться на новом-старом месте.

В Петербурге ученый попал в последний, пятый, желоб своей жизненной данности, олицетворенный тогда вполне материально — в виде узкой Галерной улицы, соединяющей Сенатскую площадь с Адмиралтейскими верфями. Если близ Сената и Синода она имела более или менее пристойный вид, то за Благовещенской площадью (ныне — пл. Труда) превращалась, как, впрочем, и ныне, в неприбранную, особенно зимней порой, полузахолустную дорогу. На ней-то в доме № 53, в квартире № 12, расположенной на четвертом этаже, в одной из плотно зашторенных комнат и умирал Миклухо-Маклай.

По возвращении в российскую столицу состояние ученого стало быстро ухудшаться. Лечил его светило тогдашней медицины Сергей Петрович Боткин, но распознать, в чем причина угасания пациента и его все нараставших страданий, он при том уровне науки, естественно, был не в состоянии. Много-много позднее, в 1962 г., при исследовании черепа Миклухо-Маклая установили, что произошло раковое поражение области правого нижнечелюстного канала, очевидно, спровоцированное длительной болезнью нижней ветви тройничного нерва, а раковые метастазы стали губительно сказываться на работе многих внутренних органов.

В Петербурге Миклухо-Маклая, лишь время от времени получавшего грошомые гонорары от газетных публикаций, со всех сторон обступили житейские трудности. 18 (30) июля 1887 г., еще пребывая с семьей в отеле «Англетер», он писал брату Сергею, управлявшему материнским поместьем: «Пришли, пожалуйста, денег — у меня осталось только несколько рублей (!). А между тем мне нужно уплатить счет в Hôtel'e, дать задаток за квартиру, купить мебель, посуду, нанять прислугу и т.д. Прошу тебя, не заставь долго ждать присылкою» [Миклухо-Маклай 1996: 495].

С ноября 1887 г. ученый перестал выходить из дома. Из-за раковых метастазов в левом полушарии мозга у него отнялась правая рука, появились сильные отеки ног и живота, страшные боли при попытке что-либо произнести, но он не подавал вида, как страдает, и продолжал работать. В письме младшему брату Михаилу от 20 января (1 февраля) 1888 г. читаем: «Брат Mick! По случаю нездоровья я не мог приготовить вовремя 2-ю половину статьи моей для ("Нового времени"), почему я не могу получить за нее гонорар. Но я приготовил ее сегодня к отправке в редакцию и, вероятно, получу деньги завтра или послезавтра. Если можешь, пришли мне руб. 10. Я их тебе возвращу, как только получу из редакции, чем очень обяжешь брата. Здоровье положительно не лучше» [Миклухо-Маклай 1996: 507].

10 (22) февраля Николая Николаевича перевезли в клинику Боткина, находившуюся в Михайловской клинической больнице баронета Виллие, которая, как упоминалось, входила в состав Военно-медицинской академии. В письме оттуда антропологу А.П. Богданову Миклухо-Маклай просил его ответить по своему новому, теперь уже, как оказалось, последнему, «адресу»: «в 11-ю палату, кровать № 29» [Миклухо-Маклай 1996: 508]. С 29 марта (10 апреля) состояние ученого осложнилось бронхитом и пневмонией. Вечером 2 (14) апреля 1888 г. в 8 часов 15 минут, не дожив трех месяцев до своих 42 лет, Николай Николаевич Миклухо-Маклай скончался. Его похороны 5 (17) апреля на Волковом кладбище, рядом с отцом и сестрой Ольгой, были более чем скромными.

Спустя десять лет научный обозреватель газеты «Новое время» Л.К. Попов, каким-то образом оказавшейся вблизи ученого перед самой его кончиной, писал: «Я наклонился над его кроватью, он смотрел на меня взглядом полного отчаяния и едва слышно произнес: Погиб мой труд; две крупные слезы скатились с судорожно закрытых век... Мой труд погиб — этот шепот умиравшего и сейчас раздается у меня в ушах; эти две слезы... я вижу их и теперь на ввалившихся щеках несчастного» (С. 555–556).

Нужен ли ныне Н.Н. Миклухо-Маклай с его наследием человечеству? Нужен, но, видимо, не всему, решительно не всему, но по крайней мере той его части, которая готова во славу традиций ученого бороться за свое будущее.

Библиография

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Наука, 1996. Т. 5.

Борис Комиссаров